18+

ЛУКЕРЬЯ САЙЛЕР

ОСТАНОВИСЬ, подумай, для чего живёшь

РОМАН
В ТРЁХ ТОМАХ

ИЗДАЁТСЯ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лукерья Сайлер

Остановись, подумай, для чего живёшь. Роман в трёх томах. Издаётся на русском языке

«Издательские решения»

Сайлер Л.

Остановись, подумай, для чего живёшь. Роман в трёх томах. Издаётся на русском языке / Л. Сайлер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509399-8

Роман «ОСТАНОВИСЬ, подумай, для чего живёшь» о любви и о том, как складываются отношения между русскими поздними переселенцами из России с местными немцами.

ISBN 978-5-00-509399-8

© Сайлер Л.
© Издательские решения

Содержание

ОСТАНОВИСЬ, подумай для чего живёшь 6
Первый том 7
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Остановись, подумай, для чего живёшь
Роман в трёх томах.
Издаётся на русском языке

Лукерья Сайлер

© Лукерья Сайлер, 2019

ISBN 978-5-0050-9399-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Лукерья Сайлер

ОСТАНОВИСЬ, подумай для чего живёшь

Роман в трёх томах
издаётся на русском языке

Первый том
ЛИЗА

Два мгновения в одном духе любви

Удивительно красивая страна Германия, удивительно красивая земля Бавария! Лиза живет в Германии три года и не перестаёт удивляться красоте её природы, своеобразной архитектуре, чистоте улиц, умению жителей этой страны украсить свой приусадебный участок так, чтобы он не применено отличался от соседского. Побеленные и покрашенные дома, на первый взгляд, кажутся одинаковыми, но, когда приглядишься они все разные. Очень много цветущих деревьев, кустарников и цветов вокруг и рядом с домами. Немцы могут так умело их расположить, что маленькая примула в 3—4 цветка украсит зелёный газончик или бугорочек рядом с домом, или возле дороги к дому. Нередко, можно увидеть старую телегу, рыхлый пень в цветах и украшенный геранью вход в коровник. Невозможно представить Германию без спускающихся с балконов и окон герани и петунии, невозможно её представить и без подстриженных газонов покрывающих зелёным ковром землю. В Германии нет бесхозной земли и нет трущоб, где обитали бы нищие, наркоманы и пьяницы. Наркоманы и пьяницы, люди, не умеющие или не желающие жить в человеческих условиях и в нормальном обществе, здесь есть, но живут они в определённых местах под контролем социальной службы, полиции и очень редко портят внешний вид этой страны.

Сегодня Лиза ехала на своей машине, впервые сама за рулём, почти через всю Германию, из Ганновера к себе домой, в Кам. Она ехала неспеша, любуясь прекрасной страной, останавливаясь на стоянках. Проводив свою подругу на самолёт, приезжавшую к ней в гости, из России, Лиза не осталась ночевать в Ганновере, а решила ехать назад, и если не хватит сил, то по пути, остановиться в отеле. Была весна, с утра припекало солнышко, к вечеру погода резко изменилась; подул холодный ветер, по небу поплыли темные тучи, принося с собой преждевременную темноту дня. Остановившись на стоянке, Лиза, откинула сидение, легла, вытянув ноги. На улице очень быстро темнело, крупные, тяжёлые капли дождя застучали по машине. «Будет лучше, если я переночую в отеле, похоже, быть снегопаду», – подумала Лиза, и поехала дальше. Свернув с автобана, проезжая мимо городов и посёлков, близко примыкающих друг к другу, она стала просматривать вывески на домах.

И действительно, пошёл снег. Липкие, водянистые хлопья снега, залепляли лобовое стекло машины, очистительные приборы не успевали очищать его. Снег падал на теплую землю; на зелёную траву, поля, газоны, на распустившиеся цветы. «Как моя жизнь, из тепла – в холод; из яркого дня – в сумерки и так бесконечно. Всё движется со временем; от хорошего к плохому, от плохого к хорошему, и надо выбрать в этом движении середину, отложить её в душе; в плохом не озлобиться и в хорошем не взлететь высоко», – думала Лиза, всматриваясь внимательно в вывески. Увидев недалеко от дороги кафе, решила свернуть к нему, подумав: что, если есть кафе, то, наверное, рядом есть и гостиница. Поставив машину на стоянке, она бегом побежала к двери здания. Мокрый и липкий снег завалил её голову, плечи, а ветер растрепал волосы. Остановившись в прихожей, перед зеркалом, Лиза отряхнула снег, стала поправлять причёску, убрав заколки: волосы пышной, густой волной упали ей на плечи и рассыпались по спине. К ней подошёл пожилой человек, примерно лет 60, поздоровавшись, спросил:

– Вы будете у нас ужинать, что желаете заказать?

– Да, да, – ответила она, – ещё я хочу у вас переночевать, если есть такая возможность. На улице плохая погода, я не могу дальше ехать, а ехать мне ещё очень далеко – 400 км.

– О, да! – Это далеко при такой погоде, – проговорил мужчина, стараясь чётко выговаривать каждое слово.

Лиза улыбнулась ему, поняла, что он делает это потому, что, сразу же уловил её акцент. У Лизы в семье все свободно общались по-немецки, и в школе, затем, в институте она учила только его. Приехав в Германию, Лиза хорошо говорила на немецком языке, поставив перед собой цель, изучить его в перфекте

(в совершенстве), и подтвердить в Германии свой диплом врача, полученного в России, но от акцента избавиться ей так и не удавалось. Мужчина очень пристально смотрел на Лизу, глаза его были печальными и блестели.

– К сожалению, – сказал он, – у меня нет гостиницы, только кафе. Гостиница есть в нашем городе, в конце этой улицы.

– Очень жаль, очень жаль. – Ей не хотелось, выходить из тёплого места, садиться за руль.

– Да, я понимаю Вас: не хочется в такую слякоть возвращаться на дорогу. Но… хорошо, раздевайтесь, поужинайте у нас, а я что-нибудь придумаю.

Лиза стояла, в замешательстве, не зная, что делать. Мужчина протянул ей руку.

– Меня зовут Михель Вебер, оставайтесь у нас, я подумаю, где Вам переночевать, не садясь больше за руль. Лиза тоже назвала своё имя и, сняв плащ, подала его господину Веберу. Он взял его, встряхнул с него, капли растаявшего снега и повесил на вешалку.

Они вместе зашли в маленький, но очень уютный зал, где стояло на полу на окнах много живых цветущих цветов, играла тихая спокойная музыка, и было очень тепло. Во всяком случаи, так показалось Лизе после холодной улицы.

Господин Вебер проводил её к одному из столов, предложил сесть, сказал:

– Если вы позволите, я принесу вам немного коньяку, чтобы Вы согрелись.

– О нет! Потом я не смогу ехать.

– Вам не надо никуда ехать, я уже придумал, где Вы будете ночевать. Я и моя жена живём, в этом доме, здесь наша работа и дом. У нас есть свободная комната, гостевая, в ней, обычно, останавливаются гости, и живёт наш внук, Франц. Он приезжает, иногда, к нам, из Мюнхена, говорит, что здесь отдыхает. В этот момент его нет, и комната пустая. Вы можете сегодня там переночевать. Сейчас придёт моя жена, она всё Вам расскажет и покажет.

– Спасибо, я Вам очень благодарна, сколько это будет стоить, я заплачу.

– Не беспокойтесь, недороже чем в других гостиницах. Извините, я пойду; мне надо рассчитать клиентов, они уходят, это местные, из нашего города, живут рядом. Выберите из меню, что желаете, а я провожу и подойду к Вам.

Он пошёл к соседнему столику, где сидели две пожилые пары. Спустя пять минут, господин Вебер снова подошёл к Лизе, принёс на подносе рюмочку с коньяком.

– Это Вам подарок от меня, – сказал он, – скажите, что вы будете кушать?

– Я такая голодная, мне кажется, что съем целого барана, – засмеялась Лиза.

– О, барана у меня, к сожалению, нет, – тоже смеясь, сказал господин Вебер, а вот свинина и говядина есть.

– Ну, тогда говядину с картошкой и салат – всё пока.

– Хорошо, Вам это сейчас приготовят, – сказал господин Вебер и ушёл за стойку бара.

Лиза откинулась на спинку кресла, отпила немного коньяку, стала смотреть в окно, в которое был виден вход в кафе и стоянка, где стояла её машина. На улице по-прежнему шел дождь со снегом и дул порывистый ветер. По трассе медленно двигались машины облепленные снегом с включенными фарами.

«Неужели ветер и снег не перестанут до утра, – подумала Лиза, – надо позвонить домой, предупредить бабушку Веру, что я сегодня не приеду, узнать всё ли у них с Катюшей нормально». Дочери скоро будет три года, и они очень редко с ней расставались, если это случалось, то небольше чем на один день.

Лиза сидела, смотрела в окно, думая о своей дочери, отпивая маленькими глотками коньяк. К ней подошла женщина, примерно, такого же возраста, как господин Вебер, сказала:

– Я Анна Вебер – жена господина Вебера. Если вы не возражаете, то я могу сейчас показать вам комнату, где вы сможете переночевать. Мы успеем её посмотреть, пока вам готовят ужин. Лиза пошла за хозяйкой на второй этаж.

В помещении, куда они вошли, были: два кресла, телевизор, кровать, большой письменный стол, на котором стоял компьютер, на полу лежали дорогие ковры. В комнате было прохладно.

– Здесь живёт наш внук, когда приезжает к нам. В последнее время он так редко бывает у нас: всё занят, у него много работы. Когда учился, приезжал чаще, ему всегда нравилось отдыхать у нас от городской суеты. Я включила отопление, здесь будет тепло. Если желаете, я растоплю камин, – сказала госпожа Вебер

– Если будет тепло, то не надо.

Госпожа Вебер достала из встроенного в стене шкафа, постельные принадлежности, и они вместе постелили кровать.

– Вот, здесь, Вы будете спать, располагайтесь, пожалуйста, – сказала хозяйка, похлопывая по двух спальней кровати, – ну, а сейчас, наверное, уже для Вас готов ужин. Я пойду, посмотрю.

– Спасибо! Я Вам очень благодарна. Если можно, я позвоню домой.

– Хорошо, как пожелаете, телефон на столе, звоните.

Лиза позвонила, предупредила бабушку Веру, что из-за плохой погоды не сможет сегодня приехать домой. Вернувшись в зал, она села на своё место, снова посмотрела в окно. Снег по-прежнему валил большими, мокрыми хлопьями. На стоянку, рядом с её машиной, кто-то ставил свою.

«Такая скверная погода и людям не сидится дома, ездят по кафе. А может быть это такой же усталый запоздалый путник, как и я», – подумала Лиза.

Из машины вышел молодой человек в длинном, чёрном плаще, и бегом побежал в Кафе, прикрывая от ветра и снега лицо ладонями. Он зашел в зал и, не раздеваясь, отрясая на ходу с себя снег, пошёл к стойке бара.

Стоявшая там, госпожа Вебер громко сказала, всплеснув руками:

– О, Боже мой, Франц! Дорогой мой! Как ты долго не был у нас, как мы соскучились! Почему же ты не позвонил нам, что приедешь?!

– Зачем звонить, моя дорогая бабушка, если я знаю, что вы всегда меня ждёте?

Лиза не успела разглядеть лицо молодого человека, он, и госпожа Вебер, ушли за стойку бара. Наверное, там была дверь в кухню.

Лиза подумала: «По всей вероятности – это тот самый внук, комнату, которого я заняла. Как же теперь быть, если это так? Наверное, мне надо будет уехать, а коньяк я уже допила, она посмотрела на пустую рюмку, – из каждого безвыходного положения есть выход, надо выпить ещё и оставив здесь машину, пешком идти в конец этой улицы, в гостиницу, – от этой мысли ей стало холодно и очень скучно, – посижу здесь до закрытия, может быть, снег перестанет идти, хмель пройдёт, ну, и поеду потихоньку, – эта мысль ей тоже не понравилась, не хотелось вообще выходить на улицу в такую погоду, она стала снова смотреть в окно, – жалко, если снег не перестанет, все цветы погибнут, сейчас он падает на тёплую землю и почти сразу тает, остынет земля, покроется снегом, утром, наверное, будет гололёд на дороге».

К Лизе подошла незнакомая женщина с подносом, поздоровавшись, поставила на стол большое блюдо, на котором был салат, нарезанные овощи, два больших куска мяса в соусе и картофель. Блюдо было большим и еды было очень много. Лиза воскликнула:

– О, как много!

– Такой заказ передал хозяин, – сказала женщина. Что будете пить?

– Апельсиновый сок, пожалуйста. Спиртного не надо.

Еда была очень вкусной, но осилить даже половину того, что было на блюде, Лиза не смогла. Поев, она пила маленькими глотками сок и смотрела в окно, когда услышала голос хозяина кафе, повернула голову к бару и увидела, как он наливает пиво молодому человеку, которого госпожа Вебер назвала Францем. Парень был среднего роста, атлетически сложен, на нём был тёплый, вязаный пуловер белого цвета и ярко-синие джинсы, он стоял к ней спиной, и разговаривал с господином Вебером. Лизе захотелось увидеть его лицо, и она стала пристально смотреть на него, забыв о приличии. Молодой человек повернул голову в ее сторону, взгляды их встретились. «Какой красивый!?» – подумала Лиза. Они смотрели друг другу в глаза, долго не отводя взглядов. «Что же я на него так уставилась? Стыд—то, какой!», – Лиза отвернулась к окну, а, когда снова взглянула в сторону молодого человека, то увидела, что он идёт к её столу, улыбаясь, и неся в руках два стакана пива. Сердце у Лизы сильно забилось, и она почувствовала что краснеет.

– Можно мне сесть к вашему столу и угостить вас пивом? – спросил он.

– Да, пожалуйста, – сказала Лиза полушёпотом.

Ей показалось, что его взгляд, как стрела пронзает её насквозь, и в груди, как будто что-то защемило, а горло сдавили спазмы, голос, был непохожим на её собственный. Они молчали некоторое время. Всякий раз, когда она поднимала на него взгляд, встречала его любопытный и немного насмешливый взгляд. Парень откровенно, не стеснялся, рассматривал её.

– Как Вас зовут? – спросил он.

– Лиза Фалькенштаин.

– Меня Франц Баттенберг.

– Очень приятно, – ответила она, еле слышно.

– Мне тоже.– Они снова замолчали. Он заговорил первым.

Скверная погода. Когда я выехал из Мюнхена, там светило солнце. Давно не был здесь… Это мой дед и моя бабушка, по матери: хорошие старики, я их очень люблю, и мне нравится здесь бывать: отдыхаю от суеты обыденной.

– Я заняла Вашу комнату? Я уеду в отель.

– Ну, зачем же? У стариков большой дом, они уже определили меня, и постель постелили даже.

– Спасибо, я завтра утром уеду.

– А я хочу побыть здесь ещё в воскресение. В понедельник утром поеду. Вы были здесь, раньше?

– Нет, я здесь случайно. Еду из Ганновера, провожала подругу на самолёт. Мы уехали из дома в 6 часов утра. Проводила, вот еду назад и остановилась здесь; не могу ехать дальше, снег, ничего невидно. Боюсь. Решила переночевать, и утром ехать дальше. Думала, что в этом Кафе есть гостиница. Но, здесь меня хорошо приняли, устроили на ночлег, очень хорошие люди ваши дедушка и бабушка.

– Да, я знаю, – улыбнулся Франц, Вы говорите с акцентом; я не могу понять, откуда такой акцент.

Из России?

Вздёрнув брови, расширив глаза, Франц долго смотрел на нее, не скрывая удивления.

– Вас это очень удивляет?

– Если честно, то да.

– Мои родители Волжские немцы. Вы знаете их историю? – спросила Лиза.

– Да, немного. В настоящее время они очень многие едут в Германию.

– Мая семья и родственники выехали из России почти все.

– Вам нравиться здесь?

– Пока всё хорошо. Я живу в Германии 3 года, завтра будет три.

– О, у Вас праздник, есть повод погулять!

– Да, для меня и моей семьи – это большой праздник. В этот день мы полностью изменили свою жизнь.

– Это, наверное, было трудно?

– Да, это очень трудно. Но ко всему привыкаешь, особенно к хорошему. В Германии очень много хорошего.

Нам повезло особенно, мы живем среди хороших людей, и среди хороших соседей.

– А что самое трудное для вас переселенцев из России?

– Если выражаться официально – языковый барьер, получение хорошей работы. Очень трудно найти работу по той специальности, что была в России.

– Вы кто по специальности?

– Врач – терапевт.

Брови Франца снова поползли вверх, и он спросил:

– Извините, сколько же Вам лет?

– 25. Скоро будет – 26.

Он долго удивленно и с восхищением смотрел на неё, потом спросил:

– А что в России можно получить диплом врача в 22—23 года?

– Да в 22—23 мы оканчиваем институт и начинаем работать.

– Так просто в России поступить в Медицинский институт, да еще и в 16 лет?

– Нет, непросто. Я окончила школу в 16 лет с золотой медалью. Чтобы поступить в Медицинский институт, надо очень хорошо учиться в школе и много работать индивидуально помимо школьной программы, много читать, а года не имеют значение. Со мной учился парень, он поступил в институт в 15 лет, окончив тоже школу с золотой медалью. В 21 год он уже имел диплом хирурга. Ему предложили учиться в аспирантуре. Сейчас он в Москве учиться и живет там. Меня всегда удивляет то, как мало молодые люди в Германии знают о России.

– А здесь, вы собираетесь работать врачом?

– Да, непременно, я учу язык, и подала заявления для подтверждения диплома.

– Я желаю Вам успеха, – сказал Франц. – Ну, если у Вас завтра праздник, может быть, мы закажем что-нибудь выпить покрепче.

– Лиза пожала плечами.

– Вы курите? – спросил он.

– Нет.

– Я тоже не курю, но коньяк и вино иногда пью. Так что Вам заказать?

– Что будете Вы, то и я, только немного.

– Хорошо, – сказал Франц и пошел к бару.

Зал уже опустел, все посетители ушли из Кафе. На улице было сыро и холодно, а здесь тепло и уютно, тихо звучала музыка. «Как же мне хорошо сейчас, что-то со мной происходит, на душе легко и спокойно», – подумала Лиза.

Франц поставил на стол конфеты, печенье, графин с коньяком.

– Будем гулять, я включил другую музыку, – сказал он.

– Кафе уже закрыто. Нам можно здесь оставаться?

Он засмеялся, положил свою руку на её руку, тихо проговорил:

– Нам здесь можно всё, даже танцевать. Хороший сегодня день, если мы сейчас потанцуем, он будет ещё лучше, я давно не танцевал, – Франц взял Лизу за руку и повел на середину зала.

Они танцевали танго.

«Какой он красивый, знает он об этом или нет? Интересно, как живут такие красивые люди?» – подумала Лиза. Она подняла на него глаза, он смотрел на неё, улыбаясь.

Франц провел руками по её спине, от пояса до шеи, подняв ладонями её густые волосы, сказал:

– Мне всегда было интересно знать, как живут такие красивые люди, как ты, если они умные. Красивых, не очень умных и эгоистичных я встречал.

Смотря удивлённо ему в глаза, Лиза спросила:

– Ты находишь, что я красивая?

Он снова удивительно поднял брови, смеясь, спросил:

– Ты не знаешь об этом? Ты не знаешь, что ты очень красивая? Ты прекрасная. Я таких, как ты, никогда не видел.

Она снова молча смотрела ему в глаза. «Как же я хорошо его понимаю. Смеётся, а я знаю, что он действительно так думает».

Лиза не считала себя красивой. В школе и, затем, в институте она занималась волейболом. Ходила на тренировки редко и играла в волейбол средне. Серьезно заняться этим видом спорта не могла, всё её время уходило на учёбу, желание, стать врачом, стало и смыслом жизни. Все каникулы, уже учась в старших классах, она проводила в больнице, работая няней, в то время как её сверстники отдыхали в спортивных лагерях и лагерях отдыха.

Ещё в 5 классе, Лиза начала быстро расти, и в 7 классе была самой высокой, среди девочек и мальчиков в своём классе. Худая и высокая – 176 см, Лиза очень стеснялась своей внешности, но к 10 классу одноклассники подросли, многие мальчики сравнялись с ней, и даже стали выше её. Из худой и угловатой девочки, Лиза превратилась в высокую симпатичную девушку. Мысль своей неполноценности из-за роста у неё исчезла, но осознание своей привлекательности и красоты не наступило. Ей всегда казалось, что она выглядит хуже других девушек. Лиза имела густые, длинные волосы, которые гладко зачёсывала назад и заплетала в толстую косу. Отдавая всё свободное время учебе и чтению, она мало уделяла внимания своей внешности, не делала причёсок, не красилась, носила то, что ей покупали мать или бабушка. Но, однажды, в её жизни произошёл случай, который заставил заострить внимание на том, что, если изменить свою внешность, то отношения людей к тебе тоже могут измениться.

Как-то, перед праздничным вечером, Лиза зашла в общежитие к своим однокурсницам. Девочки наряжались, делали прически, примеряли платья, красились. Она впервые увидела мучительную женскую работу, направленную только на то, чтобы появиться в «свет» неотразимой, необыкновенной, необычной, ни как всегда. Присев на край кровати, Лиза наблюдала за сборами, и уже, казалась, что подруги никогда не соберутся. Но, вдруг, они почти все разом обратили на неё внимание.

– А ты что не будешь собираться? Так и пойдешь? – спросила Марина.

– Я собрана, – сказала Лиза. – Я жду вас!

– Ну, ты даешь! Что так и пойдешь? – откровенно удивилась Ира, – некрашенная, в этой старушечьей юбке?

– Ну, да! Я не крашусь, а юбка и кофта у меня новые.

– Ну, ты даешь! Кошмар! Садись мы тебя, хотя бы, причешем, – Лиза посмотрела в зеркало, смущённо проговорила, пожав плечами:

– Я причесанная.

– Да ты непричесанная, ты коровой прилизанная! – закричали девчонки в голос. Ира покачала головой.

– Ты же, все-таки, в кафе идёшь.

Лиза смутилась, ей сразу расхотелось идти в кафе, и настроение стало далеко не праздничным.

– Давай я сделаю тебе прическу, садись, – потянув её за руку, Ира усадила на стул перед зеркалом.

– А, я её накрашу, – сказала Марина.

– А, я; а я! – засмеялась Зина, – натяну на неё вот это платье, новое, Маринкино. Оно тебе очень даже подойдёт. Ира отверни её от зеркала, мы из неё, сейчас, царевну Лягушку сделаем, потом ей же покажем.

Лиза не стала сопротивляться, отдала себя девчонкам на переделывание в царевну Лягушку.

Расплетая её косу, Ира воскликнула:

– Господи! Волосы – то, какие богатые! Бог тебя ими наградил, а ты их прячешь, не показываешь людям.

Через несколько минут волосы Лизы уже были завиты плойкой, распущены до пояса, на лбу и возле висков вились тоненькие завитушки, глаза и губы накрашены, щеки нарумянены.

– Теперь тебя надо одеть, – сказала Ира.

– Может быть не надо одевать?

– Ну да, не надо! При такой красоте такая старушечья юбка, да и кофты такие сейчас только бабушки с 5 курса носят.

Маринино платье ей не подошло. Девочки перебрали все, что было у них в шифоньерах, пока пришли к единому мнению, что на неё надеть. Наконец, одели длинную до пола узкую шелковую юбку с большим разрезом, почти до пояса, и трикотажную маячку с узенькими лямочками. Покрутив Лизу возле зеркала, Ира спросила.

– Ну, как нравиться?

– Девочки, я не могу так идти, я не похожа сама на себя, меня испугаются, если увидят.

– Вот, если бы ты пошла, так как к нам пришла, тебя бы просто никто не увидел и даже бы не смотрел на тебя, а сейчас тебя не только увидят, но и обалдеют от тебя.

Лиза не стала сопротивляться, пошла, так как её нарядили.

Весь вечер ребята приглашали её танцевать, не давая передохнуть. Впервые она выслушивала комплименты по поводу своей внешности.

С тех пор, уже никто её не видел ненакрашенной и без причёски. Лиза обрезала немного волосы, покрасила их, стала по-современному одеваться. После родов она изменилась до неузнаваемости, поправилась, бабушка Вера сказала: «округлилась ты, на человека стала походить». Пришлось сменить весь гардероб. Лиза была довольна своей внешностью сейчас больше, ловила взгляды на себе, выслушивала с удовольствием комплименты.

Никогда ей не было так приятно слышать о том, что она симпатичная или красивая, как сейчас, от Франца. Её руки лежали на его плечах, и она чувствовала, под руками его упругие мускулы, его силу, его дыхание на своём лбу. Они смотрели и смотрели друг другу в глаза.

«Какой же он сильный и какая же у него красивая фигура! Сам такой красивый и говорит, что не знает, как живут красивые люди», – думала Лиза.

– У тебя такие красивые плечи, красивые глаза, волосы, – сказал Франц, прижимая её к себе ещё ближе, – у тебя очень красивые губы, можно я их поцелую?

Он смотрел серьезными глазами, и искорка радости светилась в них. Франц поцеловал Лизу. Они стояли посреди кафе и смотрели друг другу в глаза, взглядом спрашивая: «Что это было? Что происходит?»

«Господи! Как хорошо мне сейчас», – подумала Лиза.

– Ты прекрасная! Мне так хорошо сейчас, – услышала она его шепот возле своего уха.

Медленная и спокойная музыка сменилась быстрой музыкой. Лиза отпрянула от Франца, глаза её смеялись. Они танцевали современный танец, на ходу придумывая движения. «Как он красиво танцует, как идёт ему этот белый пуловер».

Он не сводил с её удивлённых и восхищенных глаз, взял её за руку, привлёк к себе, снова поцеловал.

– У тебя сейчас убежит сердце – сказала Лиза, – оно так сильно бегает»

Он на минуту замер и перестал дышать, потом, не выпуская её из своих объятий, громко засмеялся.

– Я неправильно сказала, да?

Ты так смешно и красиво сказала. Моему сердцу, действительно, сегодня в груди место не хватает, и я не удивлюсь, если оно убежит.

– Надо сказать, по-другому, да? Ты всё понимаешь, что я говорю?

– Да, конечно. Мне кажется, что если бы ты говорила на арабском языке или на китайском, я бы тоже тебя понял. Мне нравиться твой акцент, такой красивый! Сейчас, рассмеялась Лиза.

– Ты смеёшься надо мной. Разве бывают красивые акценты.

– До сегодняшнего дня я даже не знал, что бывают, хотя прожил на этом свете 27 лет.

– Да ты уже совсем старый.

– Я для тебя уже старый? – проговорил он, обнимая её двумя руками и смотря ей в глаза. Она молчала и тоже смотрела ему в глаза. – Я вижу по твоим глазам; ты не думаешь, что я для тебя сильно старый.

Они лежали, прижавшись друг другу, и обхватив друг друга руками.

– Я не могу тебя отпустить, – сказал Франц, – я не могу, я не хочу, – прошептал он.

Лиза поцеловала его в подбородок, в нос. Он покачал отрицательно головой.

– Как сон. Может это сон? – Он освободил её тело от своих объятий, потом обхватил снова, – нет, ты есть и это не сон.

Она взяла его лицо в свои ладони. Они снова смотрели друг другу в глаза и молчали. Лизе показалось, что время остановилось, и что в этом мире только он и она ничего больше. «Неужели так бывает, и вот этот блеск глаз может заслонить, как ярким светом, весь существующий мир, притянуть к себе так, что всё остальное кажется тусклым и блеклым», – подумала Лиза.

– Неужели это возможно? – прошептал Франц.

Лиза уснула. Проснулась от его поцелуя. Была глубокая ночь. На улице по-прежнему завывал ветер. В комнате было тепло и светло от зажжённого камина.

Она прижала его голову к груди.

– Ты не спал? Я долго спала?

– Нет, я не спал, а ты спала всего час. Я не хотел тебя будить, я хотел тебя поцеловать. Какая ты красивая!

– Ты мне сегодня сделал столько комплиментов, сколько я не слышала за всю свою жизнь, но мне очень приятно.

– Это не комплименты – это правда, ты думаешь, я могу сказать тебе неправду, или совсем не то, что думаю.

Лиза поцеловала его, сказала шёпотом:

– Я не хочу, чтобы ты говорил мне то, что думаешь. Я хочу, чтобы ты говорил мне только правду.

Она снова ощутила тот, неведомый до сегодня, мир прекрасных чувств радости тела и души, тот момент, когда две души и два тела соединяются в одно целое из двух половин. Это целое заполняется одной радостью на двоих, и эта общая радость с двойной силой любви, от удвоенных чувств любви, наполняет весь внутренний мир каждого в отдельности. Теплота и ослепительный свет этого внутреннего мира заполняют разум и отключают его от мира окружающего. Двойные чувства, и двойная радость, в двух душах принимают единый общий, только их, дух любви.

– У тебя так блестят глаза, ты хочешь заплакать? Я обидел тебя, чем-нибудь?

– Нет, ты подарил мне радость, а у тебя тоже блестят глаза, как будто, ты тоже хочешь заплакать.

– Да! Я хочу заплакать только от радости, которую подарила мне ты. Я так часто влюблялся, но так же часто разлюблял. Я всегда знал, что есть что-то, что я не знаю и обязательно узнаю. Я говорил тебе, что у тебя очень красивые волосы, они такие же богатые, густые как у моей мамы, только у тебя немного длиннее, а так цвет и прическа очень похожи. Когда я увидел сегодня тебя, всё перевернулось во мне.

– Твоя мама дочь господ Вебер? Почему ты так сказал «перевернулось», что это значит?

– Да, мама дочь моих стариков. Она умерла 4 года назад. Умерла глупо, хотя смерть всегда глупа, но здесь особый случай. Красивая, еще молодая женщина, 42 года, и вдруг её не стало за 1 день, за один час. Зимой подморозило, был гололёд, она поставила машину в гараж, стала выходить через ворота, поскользнулась, упала, виском ударилась о бордюр. Умерла сразу Отец очень любил её. Он старше мамы на 10 лет, она для него была все и для меня тоже. До сих пор не могу поверить. Сколько себя помню, всегда мая жизнь была в спартанском режиме. Я был один, но меня никогда не баловали. Учеба, спорт, книги; за каждый прожитый день я должен был по времени отчитываться. Мама была очень строгой, но очень любила меня, всегда была со мной рядом, не оставляла меня без внимания никогда. Родители хотели, чтобы у них еще были дети, но что-то из-за маминого здоровья не получалось. Это желание передалось мне: очень хочу детей, но у меня, их нет, хотя женат уже 3 года. 3 года женат и, из них, год уже развожусь со своей женой.

Лиза затаила дыхание, оцепенела. Подумала. «Вот он реальный мир. Не успела даже об этом подумать? Бывает же такое». – Нина, дочь богатых людей, наследница, я тоже единственный наследник. Родители очень хотели, чтобы мы поженились. Семейные дела её и мои в одной сфере: рестораны, кафе, буфеты; объединение должно было принести большую прибыль. Мы встречались, нельзя сказать, что она мне не нравилась, другой у меня девушки до неё не было, но я все равно пытался сопротивляться. Нина же очень хотела этот брак. После смерти мамы, мне было очень плохо. Да… Мама была за этот брак. Мы поженились, сделали дорогую свадьбу. Она окончила гимназию, я продолжал учиться в университете. Первые годы, у нас с Ниной всё как-то было, более мене, нормально: мы редко ссорились, наверное, потому, что невсегда были вмести. Я учился, она работала с родителями. Её работа и, там же дом, в 150 км от Мюнхена. Потом мы стали часто ругаться. Я хочу детей – она нет. Потом она стала за мной следить, подозревать меня, в том, что я ей изменяю. Все наши встречи начинались с ревности, иногда заканчивались миром, но в большинстве случаев руганью и разъездами на долгое время. Год назад, я узнал, что она имеет любовника. Нина объяснила это тем, что изменяет мне в отместку. Мне, в то время, было далеко не до любовных похождений. Я заканчивал университет, и нужно было помогать отцу в работе. Всего пол-года, как я окончил университет и сейчас работаю вместе с отцом. Работы очень много, мы с ним остались вдвоём, без мамы, на всё наше дело. Если сильно устаю, приезжаю сюда, к старикам. Мама у них была единственная дочь, и я у них остался единственным родным, близким человеком и тоже наследником; жалею их и люблю, но помогать не могу, а они не хотят оставлять своё дело. Хотя им уже по 65 лет. Когда, я сегодня приехал, зашел на кухню, то увидел, что дед стоит у окна и плачет. Спрашиваю: «Что с тобой?» Он отвечает: «Маму твою вспомнил». Я потом понял, что это ты растревожила его душу, потому что с боку сильно похожа на неё.

Лиза слушала его, молча, прижавшись к его груди. Он замолчал и заснул.

Известие о том, что он женатый и, к тому же, ещё богатый наследник, изменило чувства необычной радости на тревогу, а затем, подкрались, и овладели чувства жалости к самой себе.

«Господи! Ну, почему так со мной происходит? Второй мужчина в моей жизни и женатый». С Алексеем они встретились в городской поликлинике, когда Лиза проходила там преддипломную практику. Она стала ловить на себе его приствольный взгляд. Он работал хирургом в стационаре и два раза в неделю вел приём больных в соседнем кабинете. Алексей был

молодым, симпатичным человеком, тридцати лет. В больницы его считали очень талантливым хирургом. Не одна сложная операция не проходила без его участия.

Однажды, окончив работу, Лиза, вместе с медсестрой вышла из кабинета, и, закрывая дверь ключом, увидела рядом, возле стены Алексея. Он стоял лицом к ней и было понятно, что ждал её. Они поздоровались. Он молча, смотрел на неё, пока она закрывала дверь, а потом проводил взглядом до выхода. На второй дней, Алексей зашёл к ней в кабинет, когда приём больных уже закончился. Медсестра вышла, они остались вдвоём. Он подошёл к ней вплотную, прижал к себе и крепко поцеловал в губы.

– Что Вы делайте? Как Вы смеете? – сказала она, пытаясь оттолкнуть его.

– Не знаю, что я делаю, не знаю, что происходит, но я думаю о тебе каждый день, каждую минуту, – сказал он очень тихо, сделав паузу, добавил, – и секунду тоже. Какой то момент, они стояли молча близко друг к другу, потом он провёл по Лизиной щеке своей большой ладонью, резко оттолкнувшись обеими руками от стены, вышел из кабинета. С этой минуты она думала об Алексее всегда, а он не заходил больше к ней в кабинет. Через неделю, после того случая, Лиза дежурила в стационаре в ночную смену.

Обычно, ночью дежурили два врача: в этот день смена Алексея и Лизы совпала вместе. Он стоял один, в ординаторской, лицом к окну, когда она открыла дверь. Увидев его, Лиза остановилась в дверях. Алексей, в это время, резко повернулся к ней, глаза его радостно сияли, сказал:

– Заходи, я жду тебя.

Она молча закрыла за собой дверь.

– Ты обижаешься на меня? – спросил он.

Она молчала.

– Не обижайся, прошу тебя; знай, я тебе сказал правду.

Он близко подошёл к ней. Она отрицательно покачала головой, не поднимая на него глаз. Не сказав более ни слова, Алексей ушёл. Конечно, он ей нравился, было приятно, что такой симпатичный мужчина, хирург, обратил на неё внимание, да ещё, почти, объяснился в любви. Она ни с кем из парней не встречалась. Его поцелуй был первый поцелуй. Многие её бывшие одноклассницы уже вышли замуж и даже имели детей, однокурсницы имели друзей и, не стесняясь, жили вмести, как муж и жена. У Лизы не было страха перед близкими отношениями с мужчиной, была только стеснительность. Это произошло в эту ночь в дежурной комнате.

Он спросил:

– Почему ты не сказала, что ещё невинна?

– Ты не спрашивал. А это надо было сказать?

– Не знаю. Я люблю тебя, вот это я знаю точно.

Утром, возвратившись, домой с дежурства, Лиза легла спать, и проспала до вечера. Она не помнила, чтобы, когда-либо, так долго спала. Проснувшись, вспомнила прошедшую ночь, перебрала всё до мелочей в памяти. Лиза не жалела о том, что произошло с ней. На душе было хорошо, радостно.

В понедельник, Алексей зашёл к Лизе перед концом рабочего дня. Она была в кабинете с медсестрой, помогавшей ей вести приём больных. Он поздоровался, спросил: «Как дела?», постояв немного у окна, ушёл.

Медсестра, Лилия Михайловна – пожилая женщина, проработавшая в этой больницы 10 лет с самого начала её открытия, сказала:

– Симпатичный мужчина Алексей Алексеевич: обходительный, воспитанный, интеллигентный; хирург от Бога. Студентом у нас на практике был, потом сюда работать пришёл, доморощенный, можно сказать. Помолчав немного, глубоко вздохнув, добавила, внимательно смотря Лизе в глаза. – Женат. Дочь имеет. Похоже, он обратил на вас внимание, Елизавета Петровна. С женой Алексей Алексеевич живёт не хорошо, люди говорят, что ссорятся они

часто, даже пытались развестись, но он привязан к дочери, любит её очень. Без неё его ещё никто не видел в нерабочее время, бывало, и на работу её приводит. Хорошая девочка, хорошо учится, развита не по годам, отличница. С шести лет в школу отдали; сейчас во второй класс ходит, вместе с моим внуком. Жена его, Ксения Николаевна, работает врачом – стоматологом. Я её не знаю хорошо, несколько раз видела всего лишь. Его с ней никто не видел, вместе они не появляются даже на праздниках. Он, обычно, везде с дочкой бывает или один. Ксения Николаевна, симпатичная женщина, только старше его на 4 года, но выглядит очень хорошо, следит за своей внешностью. Что их мир не берёт, не знаю.

Лиза слушала, медсестру не поднимая на неё глаз. Она боялась, что если посмотрит на эту пожилую добрую, умудренную опытом женщину, то та сразу поймёт, что информация, которую она сейчас выдала для Лизы, не принесла ей радости, а наоборот, слёзы накатились на глаза. Она молчала, делая вид, что просматривает записи в регистрационных книжках.

– Ну, ладно, отработали ещё один день, приблизили пенсию и старость,

до свидания, я пошла, – сказала Лилия Михайловна, и, остановившись у двери, ещё раз внимательно посмотрев на Лизу, – Вы молодая, красивая девушка, у вас ещё будут такие как Алексей Алексеевич. На него многие девушки заглядывались. Были и такие, что плакали, в любви ему объяснялись. Он, вроде бы, сделает шаг вперёд и назад сразу же. С женатыми мужчинами лучше не связываться, да еще, если есть дети – это очень хлопотное дело. Хотя у каждого своя судьба. От судьбы никуда не уйдешь.

Лиза молчала. Медсестра ушла. Она сидела в кабинете, слёзы текли по её щекам. Сейчас она по настоящему осознала, что произошло с ней за две последние недели. Никто ей, до этого, об Алексее ничего не говорил, сама она никого не спрашивала. Догадаться, что он женат было не трудно, и мысль эта мелькала. Мысль мелькала, но не задерживалась, и всё потому, что Лиза отгоняла её, не хотела об этом думать. Все так быстро произошло, промелькнуло, как в тумане. В этот момент она поняла, что и сейчас в голове у неё тоже туман. Ясности не было. Поймала себя на мысли, что и не хочет она ясности.

Она пришла с работы и сразу же легла в пастель. Дома никого не было. Родители ещё жили на даче. Лиза долго плакала, а потом уснула. Разбудил её звонок в дверь. Она встала, на улице уже смеркалось. «Наверное, папа приехал», – подумала Лиза и, не спрашивая, открыла дверь. На пороге стоял Алексей. Улыбаясь, он сказал:

– Я взял твой адрес в регистратуре, хочу тебя видеть.

Представив, как она в этот момент выглядит; ужас охватил Лизу. Она стояла перед ним в домашнем халате, в том же, что и спала; заспанная, заплаканная и лохматая. Он зашел, отстранив её, сам закрыл дверь, спросил:

– Ты одна?

Она утвердительно мотнула головой. Алексей сгрёб её в свои объятия и стал целовать.

– Ты не сказал, что ты женат, что у тебя есть дочь, – проговорила она, дрожащим голосом, и со слезами на глазах.

– Да, но я думал ты знаешь, у нас в больнице все про всех знают.

– Я не знала.

Она освободилась из его объятий.

– Извини, я спала, у меня такой вид.

– У тебя чудесный вид.

– Не надо смеяться надо мной.

– Я не смеюсь.

Они прошли в её комнату. Алексей снова обнял её, прижал к себе, стал целовать. Лиза отстранила его. Он сел в кресло возле кровати и сказал:

– Да, я женат и у меня есть дочь. Теперь скажи мне: это для тебя имеет большое значение?

Губы её задрожали и из глаз брызнули слёзы.

Он обхватил её за талию, прижал к себе, прошептал:

– Это не должно для тебя иметь большое значения, я всё улажу сам.

Алексей целовал её в губы, глаза, не объяснив, что и как всё уладит. Он ушёл от неё поздно ночью.

Закончилась её последняя неделя преддипломной практики и в это же время она узнала, что беременная.

Первая мысль была; сделать аборт, но потом Лиза решила родить. Алексей долго молчал, узнав от неё эту новость, потом сказал.

– Конечно, не надо было рожать сейчас, но первый аборт… очень рискованно… Не дай Бог! Никогда себе не прощу, если испорчу тебе жизнь. Ребёнок должен родиться.

Но о разводе с женой и о том, как они будут жить дальше, промолчал. Пообещав перед этим, что всё уладит и разведётся, он не заговаривал больше на эту тему, а Лиза не спрашивала. Она ждала. Защищала диплом беременной и уже все знали, кто отец будущего ребенка.

В семье Лизы всё было готово для того, чтобы уехать в Германию: ждали Лизу, когда она окончит институт. Весть о том, что Лиза ждёт ребенка, привела их в шок. С большим трудом они успокоились и смерились.

Алексей был немцем, но жена у него была русской. В Германию он до этого времени ехать не собирался.

– Я не могу оставить дочь здесь. Ты понимаешь меня? – спросил он. Она молчала.

– Я знаю, ты поймешь. Иришке 9 лет, если я разведусь, жена не даст разрешения уехать в Германию с ней. Без её согласия меня не выпустят, дочь она мне не отдаст, а я не могу представить её без себя. Я подал прошение, чтобы мне разрешили выехать в Германию с семьёй. Жена об этом ещё не знает… Она против, но надеюсь, потом уговорить её. Там я хочу разойтись, тогда дочь будет со мной. Я люблю тебя, но если бы не Иришка… Она очень привязана ко мне и я к ней. Тебя очень прошу, дождись меня, и роди мне сына. Договорились?

Лиза молчала.

– Не пытаюсь уговаривать тебя остаться здесь, потому как, думаю, что это невозможно. Я разговаривал с твоими родителями, и знаю, что все ваши родственники уже уехали, остались только Вы. Но и не это главное, – он помолчал, – главное то, что в России происходит сплошной экономический развал. Кто-то разваливает страну, не щадя её интеллектуальной, и материальной собственности. Я уже четыре месяца не получаю зарплату. Уговорить остаться тебя здесь, без родителей, со мной, и с моими алиментами, язык не поворачивается. Я должен уговорить жену уехать в Германию, думаю, мне это удастся.

Лиза родила в Германии через 3 месяца, после того как они приехали. Алексей часто звонил. Его жена согласилась уехать из России; они получили вызов и скоро должны будут приехать в Германию. Ей казалось, что она любит Алексея. Сегодня она поняла, что существует нечто другое, чего она просто не знала. «Это „другое“ совсем не то, что было у неё раньше. Прекрасные восхитительные чувства – нет, это то, что нельзя объяснить словами. И что же? А ничего, – думала она, чувства другие, человек другой, а история почти та же».

Франц спал, Лиза смотрела на него, сидя на кровати, обхватив колени руками.

«Какой же он красивый! Так хочется смотреть на него». Она прикрыла одеялом его нагое тело, он открыл глаза, посмотрел на неё, спросил: «Кто ты?» – закрыл глаза и снова уснул. Лиза сидела в прежней позе и смотрела на него, из глаз её потекли слезы.

«Кто я? Случайная встречная, бедная женщина, с ребенком, со своими проблемами. А кто он? Богатый наследник, женатый человек, будущее которого расписано до мелочей, наверное, даже и то, когда должен родиться ребенок. Мои проблемы и его проблемы совершено разные. Я должна дождаться Алексея, отца моего ребенка, я обещала ему, и я постараюсь это сделать. У моего ребенка должен быть отец. Связывать себя новыми проблемами, распутывать новый клубок… – не хочу», – думала Лиза. Слезы текли по щекам, на колени. «Но какое сча-

стье, что я понимаю, что такое любовь, да ещё и с первого взгляда. Знаю этого человека всего несколько часов, а, кажется, он такой родной и такой близкий. Надо сохранить это, прекрасную песню моей души». В эту минуту будущее с этим человеком ей не представлялось возможным.

На улице светало, снег перестал идти, моросил дождь. Внизу хлопнула дверь. Лиза встала, стараясь не шуметь, собрала свои вещи, зашла в ванную, привела себя в порядок. Войдя снова в спальню, она близко подошла к кровати: Франц спал, улыбаясь во сне. Лиза долго смотрела на него. У неё было огромное желание прикоснуться к нему, хотя бы еще раз и очень не хотелось уходить. Она не стала его будить, тихо открыла дверь, вышла.

Лиза спустилась вниз в кафе, увидела там господина Вебера, менявшего скатерти на столах.

– Вы уже встали? Уезжаете? Так рано? – спросил он.

– Да мне пора.

– Я подам Вам завтрак.

– Нет, не надо, спасибо. Лучше подайте мне счет. Хочу поехать раньше, пока на дороге мало машин.

Господин Вебер подошел к стойке бара, назвал ей сумму. Сумма совсем была маленькая и не соответствовала её примерным подсчетам.

– Большое спасибо, Вам и Вашей жене. Я вам очень благодарна за то, что вы помогли мне, сказала она, – спасибо.

– Не за что, если будете в наших краях заезжайте ещё.

– Неприменено, обязательно заеду.

Хозяин проводил её до выхода. На улице, уже почти рассвело. На стоянке было всего две машины, её и Франца. Её машина, старый «Фольксваген», десятилетней давности и его спортивная, последняя модель «Феррари», стояли вмести. «Вот такие мы разные, как эти две машины – подумала Лиза, садясь за руль. Она ехала по дороге, дворники смывали капли дождя со стекла, а она не вытирала слезы, катившиеся из её глаз. «Нет, нельзя так ехать, я должна остановиться, выпить кофе, успокоиться». Лиза свернула к заправочной станции, зашла в кафе, села за столик у окна. Просидела так больше часа, долго плакала, отвернувшись к окну. Ей было очень плохо в этот момент, она уже сомневалась, правильно ли сделала, что уехала, не простившись с Францем: «Может быть, вернуться? – мелькнула у неё мысль, – может быть, все могло бы быть не так, как я себе это представила?». Эту мысль Лиза тут же отогнала. Она всё больше убеждала сама себя, что ейчас легче развязать то, что ещё не связано крепкими отношениями, потом будет труднее.

Просидев в кафе больше часа, Лиза немного успокоившись и снова поехала. На удивление самой себя, ехала быстро и рискованно, стараясь не думать о Франце, а только о том, что надо быстро доехать до своего дома, а там ей будет легче, вся тяжесть спадёт с её души, все забудется.

Франц спал и видел во сне лес с высокими деревьями, закрывавшими свет и солнце своими макушками. Из-за этого в лесу был полумрак и прохлада. Солнечный свет пробивался через верхушки деревьев и тонкими световыми потоками, опускался на ветки деревьев. Франц шел по лесу к тому месту, где лучи света, доставали земли. Это место, казалось, совсем рядом, и очень теплым. Он шёл и шёл, а расстояние между ним и световым потоком оставалось прежним; попытался бежать, но ноги стали тяжелыми. Остановившись на месте, он пытался снова идти, ему так хотелось дойти до светлого места. Вдруг, поток света сам стал приближаться к нему. И вовсе это не поток, а девушка, наполненная солнцем. Вместо одежды её тело покрывали длинные светящиеся волосы, как лучи света. Франц попытался вспомнить, где видел её, протянул к ней руку: «Кто ты?», проговорил, он. Девушка исчезла, поток светлых лучей окутал его, стало очень тепло.

Проснувшись, и не увидев Лизу рядом, Франц подумал, что она, уже встала, и снова закрыл глаза. В комнате, в ванной и во всём доме, было тихо, на улице шёл дождь. Полежав несколько минут, вспоминая вчерашний вечер, он сел в кровати, осмотрел комнату. Признаков, что кто-то был здесь кроме него, или есть, не было. Франц резко соскочил, с постели, позвал: «Лиза», – ответа не услышал. Быстро одевшись и умывшись, он бегом сбежал вниз по лестнице, в кафе. В пустом зале, за крайним столиком, радом со стойкой бара, сидел дедушка и пил кофе.

– Доброе утро дед, – сказал, Франц и сел с ним рядом.

– Доброе утро внучек.

– А где, бабушка, и вчерашняя ваша гостья, Лиза? – спросил Франц.

– Бабушка, как всегда, в это время, на кухне. Гостья уехала, ещё час назад.

– Уехала? – Франц соскочил со стула.

– Поблагодарила нас, расплатилась и уехала, но мне показалось, что она была заплаканной. Вы что с ней не поладили?

– Мы очень поладили, дедуля. Я ещё никогда так ни с кем не ладил, и у меня еще не разу не было такого восхитительного вечера! Она чудесная, девушка, но что случилась, почему она уехала, не простившись со мной? Я же её ничем не обидел. Куда она уехала? Мне нужен её адрес. – Франц быстро поднялся в свою комнату, оделся – Куда она уехала? Мне нужен её адрес, – повторил он, сбегая по лестнице.

– Она не заполняла никаких документов, и я не видел её паспорта. Адрес она не оставила, телефон тоже.

– Этого не может быть. Ну, хотя бы примерно, куда, в каком направлении?

– Она ехала из Ганновера, и ещё ей осталось ехать 400 км до места, где она живёт – это все, что я знаю.

– Ну, да! Сведения, конечно, очень полные.

Франц, снова сел, возле деда, положил свою руку на его руку, сказал:

– Извини, дорогой, я не смогу сегодня остаться у вас, должен попрощаться. Где бабушка? Может она что – нибудь знает о ней?

– Сейчас я её позову, спросим.

Франц подошел к окну, стал смотреть на улицу, где по-прежнему шел дождь. «Какая скверная погода. А какая у неё машина? Какой номер? Надо спросить деда. Нам было так хорошо, как сон. Не хочу, чтобы это был сон, не хочу лжи и грязи. Если это обман, то какая же жизнь…?! Неужели ничего чистого и светлого нет в этом мире? И есть ли на земле то, ради чего стоит жить? Надо же было мне так крепко уснуть. Возможно, она замужем, а я женат. Ну, так что же тут особенного? Стоит ли из-за этого сбегать, не попрощавшись? Притворства не было! Я видел это, чувствовал».

Подошли бабушка и дед.

– Я, к сожалению, тоже больше ничего не знаю, – сказала бабушка.

– Какая у неё машина, номер?

Старики пожали плечами.

– Старый Фольксваген, тёмно-синего цвета, а номер я не посмотрел, – сказал дед.

– Я должен ехать.

– Ты хочешь догнать её, но это же нереально, да и зачем тебе это? Ты же женатый человек, – проговорила бабушка, строго смотря на него.

Не ответив ей, Франц вышел на улицу, сел в машину, поехал в направлении Мюнхена. Он проехал мимо, той заправочной станции, где сидела в кафе, возле окна, Лиза и плакала. Через пятнадцать минут, по этой же дороги, следом за ним, в том же направлении, поехала и она.

Есть она, и нет её Франц вернулся в Мюнхен, приехал в свой дом. Запланированный воскресный день, побыть у стариков, остался свободным. В настоящее время он жил у отца,

и в своём мюнхенском доме бывал редко. Отец предлагал ему и Нине совсем переехать жить к нему, но Нина, наотрез отказался. Франц же любил свой родовой дом: в нём он родился и вырос, и в нём было много вещей, сделанных мамиными руками, да и находился он в пригороде Мюнхена, в тихом очень красивом месте, возле леса и озера. Нина сказала: «Я не люблю эту тишину, у меня от неё голова болит. Я люблю город и места, где люди живут, а не птички и зайчики».

Она сама выбрала небольшой старинный домик в городе. Отцу Франца это дом понравился, и он купил его, записав на своё имя: сказав, что под старость лет своих, возможно, переедет в него, а они, когда родят детей, переедут в его большой загородный дом.

Франц зашёл в спальню, не раздеваясь, лег на постель поперек кровати, закрыл глаза. Лежал так долгое время, думая о Лизе. «Неужели так бывает в человеческой жизни, между мужчиной и женщиной? С одного взгляда, с одного момента и так по сердцу… Наверное, бывает, если это произошло со мной», – думал он.

Дед сказал, что его комната занята и показал на девушку, которая сидела у окна, полу боком к ним. Она смотрела в окно и пила сок. Франц долго глядел на неё, ждал, пока девушка посмотрит в его сторону. Ему казалось, если она увидит его, то что-то произойдёт необычное и она повернулась, и посмотрела. Франц ощутил тепло с её стороны. Это тепло передалось ему, лицо его вспыхнуло жаром, он пошел к этому теплу, на блеск её глаз. И показалось, что реальность исчезла.

Нина ревновала Франца, рассказывая ему фантастические истории о его любовных похождениях, придуманные самой же. Его это раздражало, злило, он хлопал дверью, уходил. Они могли не разговаривать месяц. Первым на примирение, в этих случаях, он не шёл. Нина всегда искала повод для мира первой, а потом начинала снова. На самом же деле, Франц никогда не изменял ей, Лиза стала второй женщиной в его жизни. Франц и Нина прожили как муж и жена 3 года и он никогда не чувствовал к ней то, что чувствовал сейчас к Лизе.

«Что же делать? Она не оставила ничего, чтобы найти её. Наверное, у неё есть семья. Всё правильно, зачем всё рушить? Не захотела связывать себя, но,

до свидания-то можно было сказать? Странно. Теперь я знаю, что значат слова: «я не могу без тебя», как же мне тяжело без тебя сейчас. Будем надеяться, всё пройдёт, всё забудется».

Он пролежал так более часа, не переставая думать о Лизе. Встал, прошёлся по пустому дому. «Какая тоска», – подумал Франц, вышел на террасу моросил дождь: «Надо поехать домой. Да… – это жильё так и не стало моим домом и, наверное, уже не станет никогда».

Франц вышел из дома, походит по рядом с ним, сел в машину, поехал к отцу. Он надеялся, что там ему удастся отвлечься. Зайдя в свой кабинет, Франц попытался работать, но не смог сосредоточиться, мысли о Лизе мешали ему, и только к вечеру начал работать. Проработал до поздней ночи, а

утром позвонил деду, спросил: есть ли какие-нибудь известия о Лизе. Дед ответил, что, к сожалению, нет. Франц попросил его, чтобы он срочно сообщил, если что узнает о ней.

Прошло две недели, известий от Лизы не было. Франц принял окончательное решение разойтись с женой, не тянуть более с разводом. Он позвонил Нине и своему адвокату, сообщил им, что возобновляет дело о разводе. Нина сказала, что для неё нет проблем; хоть завтра. Когда же он разговаривал с адвокатом, то тот объяснил ему, что все проблемы в ней: она не даёт своего согласия, как и в прошлый раз, а без её согласия развод затянется на долгое время.

Франц попросил адвоката, чтобы тот серьёзно занялся его делом и, на этот раз, довел его до конца, сколько бы этот процесс не продолжался. Сам он решил попытаться уговорить свою жену развестись мирным путём – без растягивания время.

Разделить имущество будет не так уж трудно. Всё необходимое, по этому случаю, предусмотрено их брачным контрактом. Заявление на развод Франц подал ещё год назад. Нина

согласия не дала, развод отложили на 6 месяцев, а потому в их семейной жизни наступило короткое перемирие.

При последней их ссоре, Нина обещала лично заняться разводом, и сделать всё, чтобы развод ускорить. После её обещания прошло два месяца, но она даже не разу не переговорила с адвокатом.

Франц позвонил Нине в пятницу, и сказал, что им необходимо встретится и поговорить.

– О! Нам есть, о чём говорить? – спросила она.

– Да, мы должны обсудить наш развод, – она долго молчала, потом весело сказала:

– О! Нет проблем – хоть завтра, я же уже говорила тебе. О, нет! Завтра и после завтра, я не могу, у меня деловая встреча.

– Ты так много стала работать, что проводишь деловые встречи по выходным дням?

– Ты меня ревнуешь? Как это неожиданно!

– Я не ревную, – ответил он зло.– Если ты несвободна, не имеешь время в эти выходные, то давай встретимся в следующие выходные, лучше в пятницу, можно в субботу, в воскресенье, выбирай любой день сама, я приду.

– Ну, хорошо, жду тебя в ту пятницу или в субботу и воскресение. У меня много дел, но для такого случая я найду время.

– Хорошо, я приеду в 6 часов вечера, в пятницу.

– Это время меня вполне устраивает. Пока.

Обычно, утром, Франц вставал очень рано, шёл в тренажёрный зал, затем в душ или бассейн, который был пристроенный к их дому, позавтракав, ехал на работу.

О Лизе он думал постоянно. Мысли о ней успокаивали его и в мечтах уносили от реальной жизни.

«Но не может же быть такого, что мы не встретимся. А может быть, жизнь хотела показать мне, что в ней есть моменты – мучительно прекрасные? И неважно, что потом, важно то, что я знаю больше о жизни, о настоящей любви. Как же мне жить, если я теперь знаю, что есть такое – настоящая любовь? Есть она, и нет Её».

Каждый день, когда он шёл или ехал по улицам, то вглядывался внимательно в прохожих, и особенно в водителей женщин. «Может быть, она живёт в Мюнхене, не далеко от меня, а я не знаю». Его работа была – их собственное дело, полученное отцом по наследству от родителей. Они имели 5 больших ресторанов в Мюнхене и в его окрестностях.

Отец и мать вдвоём вели все дела, приучая к этому с детства Франца. После смерти матери её работа перешла к Францу.

Одна семья и все, и всё в ней врозь

У Родителей Нины был ресторан в Мюнхене и гостиница с рестораном для отдыхающих в курортном месте, в городе Стамсриде. В настоящее время, она жила и работала в Стамсриде. Здесь было их семейное, основное и большое дело. В последнее время, Нина стала проявлять интерес к работе на своих предприятиях и очень много работала.

Отец был очень доволен, что дочь стала серьезно, относится к семейным делам, до этого она редко появлялась в Стамсриде, в основном следила за работой в Мюнхенском ресторане, особо не вникая в бизнес. Там было хорошо отлаженое дело, под контролем матери и не требовало большой работы.

Мать и отец поженились очень рано, в 18 лет. После венчания, через 3 месяца родилась Нина. Отец не раз говорил: «Если бы мать не была беременной, и на нашей женитьбе не настояли мои родители, я бы не женился на ней никогда». Нина жила с бабушкой, до 10 лет. Родители же сначала, учились в гимназии, затем отец оканчивал университет, а мать перенимала

семейный бизнес. Бабушка, передала дочери, матери Нины, дела, а сама стала заниматься воспитанием внучки, взяв её в свой дом.

Отец и мать никогда между собой не ладили и жили каждый свой жизнью. Нина переехала в родительский дом только после смерти бабушки.

Мать строго следила за её учёбой, за тем как она проводит свободное время, но Нина часто ловила себя на мысли: «Как же мама похоже на госпожу Мюллер, мою няню». Ей всегда казалось, что мать отводит с ней рабочие часы, за которые ей потом должны будут выплатить зарплату.

Она побаивалась мать, старалась хорошо учиться и потому, наверное, они ладили. Но иногда, она закрывалась в своей комнате и долго плакала. Ей было очень жаль свою умершую бабушку, которая совсем иначе к ней относилась. Они могли вдвоём, вечером, когда шла хорошая передача по телевизору, сидеть рядом на диване прижавшись, друг к другу, до поздней ночи. Прильнув к тёплому бабушкиному боку, Нина иногда засыпала, а бабушка, выключив телевизор, положив её голову к себе на колени, поглаживала её по волосам.

Нина могла рассказать бабушке всё, что думала, что случалось у неё в школе, на улице. К матери она подходила только с просьбой. Между ними была невидимая холодная стена, которая не позволяла Нине даже думать об откровенности, а мать даже не пыталась изменить их отношения, разрушить холодность, отчуждённость. Отец появлялся в их доме так же редко, как и в бабушкином.

Большую часть свободного времени, Нина была предоставлена сама себе и компьютеру. Ещё перед замужеством, она уехала от матери: сначала жила в Мюнхене с Францем, затем, когда они стали ссориться, переехала в Стамсрид, к отцу. «Это самое красивое и спокойное место в Баварии», – говорил отец. Здесь он родился и вырос и никогда у него не было желания уезжать. Мать же, напротив, не хотела сюда переезжать. Так и жили они одной семьёй и все врозь.

Нине нравилась в Стамсриде. От отца она имела полную свободу, вела здесь весёлую жизнь; была в больших компаниях, часто приглашала к себе гостей, ездила отдыхать по разным экзотическим местам, посещала дорогие магазины, модно и красиво одевалась, на работу ходила только в одежде отражающей национальный, баварский, немецкий стиль.

У неё были поклонники, но после последней, большой ссоры с Францем, она встречалась с Рудольфом Мазером, симпатичным парнем, окончившим гимназию и работающим в школе учителям.

Они иногда проводили вместе свободное время, но она никогда не планировала свою дальнейшую жизнь с ним. Во время ссоры Нина, злилась на него; ей хотелось любыми путями оправдать себя в ссоре и доказать что он виноват. Вечерами, если она была одна, плакала, долго не могла уснуть, и засыпала только в том случаи, если представляла себя в объятиях Франца.

Все их взаимные отношения, с самого начала были построены так, что инициатором во всём была она. Когда речь зашла о женитьбе, Франц не проявлял к ней никакой инициативы. Если бы она сама, хитрыми различными способами не повлияла на своего отца и его родителей, они бы не поженились. Дальнейшие уже семейные отношения слаживались так, что если она позвонит, то они встретятся, если она пойдёт на перемирие после ссоры, то они помирятся. Больше всего он злил её тем, что со всем соглашался, что бы она не предложила, и не сказала, но делал всегда по-другому, по-своему, когда же внимательно выслушивал, то было видно, что параллельно думает о чём-то ещё. Конечно появлялась мысль, что о ком-то. Очень тяжёлыми их отношения стали год назад, когда Нина сказала ему, что сделала аборт. Он долго, в упор смотрел на неё, а потом спросил:

– Этот ребёнок должен был быть от меня?

– Ну, конечно, от кого же ещё, как ты вообще смеешь так думать обо мне?

– Тогда почему же ты не спросила меня? Согласен ли я, чтобы его не было?

– Я считаю, что нам рано ещё заводить детей, мы должны пожить для себя.

– Ты же знаешь, что я так не думаю.

– Да, знаю, поэтому и приняла решение одна. Это несовременно связать себя детьми, сейчас, в такие годы. Я собираюсь родить только после 30 лет.

Ты собираешься, или мы?

– Я надеюсь, что ты, наконец, поймёшь, что это глупо и несовременно связать себя пелёнками сейчас, прокричала она.

Он долго молчал, пристально смотря на нее, потом так же молча, оделся и, не произнеся больше ни слова, ушёл из их мюнхенского дома, при этом громко хлопнул дверью.

Через неделю Франц позвонил, сказал, что хочет развестись с ней. «А, я не желаю», – крикнула Нина и бросила трубку. С того дня они встречались очень редко и в каждой встрече, она задавала ему одни и те же вопросы.

– Если не секрет, с какой женщиной ты встречаешься? Я её знаю или нет? – Это были единственные вопросы, которые выводили его из равновесия, он начинал злиться.

Она без звонка, без предупреждения, появлялась у него на работе или в тех местах, где он мог быть по её сведениям. Особенно часто, и неожиданно Нина приезжала в отцовский дом. Тот факт, что Франц не жил в их доме, убеждал её, что у него есть любовница, но она не разу никого не встретила с ним. Однажды узнав точно, где он будет, Нина появилась там со своим другом, Рудольфом. Франц спросил её: «Кто этот юноша, с которого ты не сводишь глаз?». «Ну, как тебе сказать…? Это один молодой человек, который симпатизирует мне. У тебя же есть подруга, почему я не могу иметь друга?»

«Моя подруга – это моя работа – с утра до вечера», – сказал он, ехидно улыбаясь и печально смотря на неё.

Через неделю, она получила от адвоката официальный документ Франца о разводе. Нина была ещё к этому не готова. В тот день, она не могла уснуть, до утра: плакала, придумывая различные планы, как избежать развода. Потерять Франца не входило в её планы, и среди её знакомых мужчин, не было не одного, который бы мог сравниться с ним – это раздражало и злило.

Рудольф был для неё только как забава. Показав его Францу, Нина надеялась вызвать ревность у него, а в место этого получила развод. Она поняла, что сделала глупость, но что делать дальше не знала. Все её планы рушились, разбивались о его равнодушие к ней. Оставался только один выход, родить ему ребёнка. Но, как это сделать, сейчас, когда он знает о Рудольфе, и настаивает на разводе? И как ей не хотелось заводить ребёнка! Мысль о ребёнке не радовала, а наводила тоску. Сейчас рожать ребёнка, когда жизнь вокруг неё бьет ключом; интерес к работе, Рудольф, поездки на отдых.

«Живут же люди, как друзья, и не думают обременять себя детьми. Ну, почему же Франц, такой, несовременный?» – думала Нина. На дне души, где-то очень далеко, далеко, она осознавала то, что именно за это так привязана к нему, что он не такой.

Нина не дала согласия на развод, но понимала, что пройдёт время, и их разведут без её согласия. Она попросила у Франца прощение, сказала, что Рудольф это шутка, и он появился в её жизни только для того, чтобы разозлить Франца, разумеется, поплакала, сказала, что согласна родить ребёнка, и если он захочет, передит в дом его отца, кроме этого будет готовить ему сама лично ужин, и ждать его с работы на кухне. Они помирились, жили в мюнхенском доме. Нина ездила работать в Стамсрид три раза в недёлю, остальное время была, в основном, дома. Шло время, Нина не беременела, оттягивала этот момент, принимая против этого специальные медицинские препараты. Францу она сказала, что не знает причину и собирается сходить к своему врачу проконсультироваться. Однажды утром, он не смог завести двигатель у своей машины и вернувшись в домой, попросил ключи от её машины. Нина лежала ещё в пастели. «Возьми в сумочке», – сказала она и тут же соскочила с кровати направляясь, к сто-

лику, где лежала сумочка. Франц взял её первый и, подняв над головой, спросил: «Что ты так испугалась, что там у тебя секретного? Письма? Не беспокойся, чужих писем я не читаю. Он открыл сумочку и высыпал из неё все содержимоё на кровать. Вмести с косметическими принадлежностями и ключами выпала упаковка с таблетками. Он взял таблетки покрутил в руках, глядел Нине прямо в глаза.

– Это старые, я забываю их выбросить, – сказала она, опустив взгляд в пол.

– Да, Нина, я вижу, препарат старый, дата только на нём новая, – сказал Франц, тихим спокойным голосом.

Собрал все, выпавшие из сумочки вещи, сложил их туда обратно, и, поставив сумку на место, ушёл, не взяв ключи.

Нина осталась стоять полу голой, посреди спальни. После того, как он закрыл за собой дверь, она упала на кровать, стала бить руками по подушке и кричать: «Какая же я дура, какая же я дура», в этот момент ненавидела себя, как никогда раньше.

Вечером Франц не вернулся домой и не позвонил. Нина допоздна сидела у телевизора, ждала его, понимая умом, что не дождётся, и ей снова надо будет что-то предпринять, придумать, чтобы вернуть Франца.

Утром она позвонила ему на работу, услышав её голос, он положил трубку. Вечером Нина поехала в его родительский дом. Франц встретил её очень спокойно, пригласил пройти в свой кабинет, как постороннего человека.

– Больше всего я не люблю, когда меня обманывают. Ты знаешь в нашем доме не врали. А, я обманывал тебя когда-нибудь? И всё же, вся наша жизнь, семейная, совместный, сплошной обман – на этой почве и ссоры. Я понял, что мы никогда не сможем быть счастливы вместе», – сказал Франц.

– Ты спрашиваешь, врал ли ты мне?! Да, врал! Да, врал! Ты соврал перед Богом, перед алтарём, сказав, что любишь меня! – прокричала Нина. – Если бы ты любил меня, ты бы понимал меня, прощал бы меня, а не бежал в суд с заявлением о разводе, – заплакав, она выбежала из дома, села в машину и уехала в Стамсрид.

С тех пор, они не звонили друг другу и не встречались.

Отложенный ранее суд о разводе, Франц возобновил, и это был его первый звонок после их последней ссоры.

Нина приняла окончательное решение родить от Франца ребенка, и всё это время обдумывала план своих действий. Она сходила к гинекологу, очень тщательно проверилась, не встречалась с Рудольфом. Когда адвокат сообщил ей, что Франц настаивает на разводе, она выкрикнула в трубочку «Передайте ему, что я никогда не дам согласия на развод. Пусть он даже на это не надеется», и бросила трубку.

«Господи! Если начнётся этот процесс, какой же будет шум вокруг нас, среди знакомых, в прессе, столько же, сколько было вокруг нашей свадьбы», подумала Нина и заплакала, от обиды, а мысли о том, что все будут говорить о ней, что она не смогла удержать такого красивого и богатого мужа, заставила её рыдать.

Заявления и объявление Франца о разводе было сенсаций и поводом для разговоров. Развод не только разводил молодую красивую, богатую семью, но и разрушал намеченный бизнес план в слившихся двух предприятий в одной сфере, предполагающий принести ещё большую прибыль. Нина и Франц пояснений по этому вопросу никому не давали, и это ещё больше вызывало любопытство и интерес.

Для чего живём?

Он приехал, как обещал, в пять часов, в пятницу.

– Мы не можем быть вместе. Я принял твёрдое решение развестись и не отступлю от него. Прошу, пойми это, и не тяни со временем. Ты упрекаешь меня, в том, что я не понимаю тебя и поэтому не прощаю, а ты меня понимаешь? Чтобы понять меня, отступила ли ты, хотя бы раз, от своих желаний, прихотей. Ну?

– Ты упрекаешь меня в этом? А кто всегда идёт на перемирие первый? Кто первый пытается склеить наши «разбитые» чувства; кто первый приезжает, звонит? Если бы я этого не делала, мы бы годами не встречались, а может быть после первой нашей ссоры, вообще не возобновили семейные отношения.

– Семейные отношения? Что значат для тебя семейные отношения? Он замолчал, ждал ответ, она тоже некоторое время молчала, потом сказала:

– Семья это, когда понимают друг друга, прощают и живут вместе, а не врозь, как мы.

– У нас даже взгляды на семейную жизнь не совпадают. Твое представление о семейной жизни соответствует жизни тех пар, которые живут друзьями под одной крышей не обвенчанными и не заводят детей, глотая внутрь всякую дрянь, травя ей не только свой организм, но и душу будущего ребёнка. Мы же с тобой обвенчаны перед Богом, и мы обязаны жить по-другому. По-моему представлению семья, это общие взгляд на жизнь, прежде всего общие цели на будущее, а разве есть будущее без детей? Жить, как мотылёк – однодневка я не могу. Родители меня с детства приучили планировать свою жизнь на будущее сегодня, не заостряя внимание на дне вчерашнем. И в мои планы не входит обременять свою старость грудными детьми. Я хочу быть молодым отцом, а не старым отцом, как дедом. Мне уже – 27, и из них мы с тобой вмести 5 лет. Разве этого недостаточно, чтобы подумать о будущем?

Все три года нашей, так называемой жизни семейной, мы или разламывали её или соединяли. Разве ради этой цели мне и тебе жизнь дана? Или ещё есть что-то, ради чего мы живём? Как ты думаешь? Я хочу, чтобы у меня были дети сейчас. Вся моя жизнь это учёба, работа, и я считаю, что это правильно, но самое правильное, когда знаешь ради кого работаешь, кому передашь плоды своего труда. Извини, но я, сегодня, не уверен в полноценности нашего будущего ребёнка: таблетки, аборт, измена, нервозность, не хватает только курева и пьянства, для рождения урода. Разве можно так родить ЧЕЛОВЕКА, в большом понимании этого слова, если даже он будет здоров физически? – Франц замолчал. Всё это время, пока Франц говорил, Нина сидела, опустив глаза, не смотрела на него, он же, напротив, не сводил с неё взгляда.

– Как красиво ты говоришь, – она ехидно улыбнулась, – если посмотреть вокруг, то рядом с нами живут только одни идиоты и родители будущих уродов.

– Ну, почему же? Если хорошо посмотреть вокруг, приглядеться внимательно, то живут и другие, и жизнь у них не идиотская. Но… в силу твоих убеждений и в соответствии с ними, имеющегося у тебя сознания, ты их не видишь, и не хочешь видеть, они тебе неинтересны, у них другая мораль, поэтому ты их не понимаешь, а они тебя, поэтому контакта с ними не происходит.

– Ну, хорошо, я согласна; посмотреть вокруг другими глазами, с твоей точки зрения, и попытаюсь строить жить на будущее по твоему плану. Черт возьми, всё равно же когда-нибудь придётся рожать.

Она встала, направилась к нему. Он скептически улыбнулся, сказал:

– Мне кажется, что уже поздно.

– Почему? – Спросила она, ласково, глядя ему в глаза.

– Я думаю, не только поздно, но и невозможно. Нина остановилась рядом, дотронувшись до его плеча рукой.

– Ну, мы так часто начинали всё сначала, почему бы нам ещё раз не начать?

– Вот, поэтому и невозможно. Удивительная ты женщина, Нина! Для тебя всё так просто в жизни. Есть вещи в человеческих отношениях, которые не вернёшь назад, особенно, если их не было, а была видимость или иллюзия от них. Мы так часто теряли то, чего у нас не было.

Теряли и всегда начинали искать, то чего не имели и не могли потерять. Так что ты сейчас хочешь начать сначала? Я прошу тебя дать согласия на развод. Я даже готов сделать для тебя отступление от брачного контракта и выполнить, непредусмотренноё в нём, желания, конечно, в пределах разумного.

– У тебя появилась другая женщина?

– Ну, как это появилась? Совсем, не так давно, ты говорила, что у меня, их много, а сейчас задаешь такой вопрос, удивляешь меня. Это будет лучше для нас, я не хочу более терять время, и тебе не желаю этого. У тебя уже есть парень, попытайся с ним устроить свою жизнь.

Он убрал её руку со своего плеча, пошёл к двери. Нина стояла, замерев. Сейчас ей казалось, что земля уходит из-под ног. Она поняла, что в этот раз, вернуть его будет непросто, если вообще невозможно.

Франц, ещё не разу, так горячо и серьезно с ней не разговаривал, и еще, не разу, она не видела его таким решительным. Взявшись за ручку двери, он повернул голову к ней, сказал:

– Нина, для меня назад пути нет. Я всё обдумал, поверь, для нас, двоих, это будет лучше, – и ушёл, не дождавшись её ответа.

«Он изменился. Что-то случилось… что, я ещё не знаю. Влюбился. У него есть женщина – теперь это так», – думала она, глядя в окно. Из окна было видно, как Франц сел в машину, и поехал к ресторану, который находился в 100 метрах от её дома. «Наверное, он хочет поужинать. Я должна найти способ остановить его сегодня, оставить у себя; я должна что-то придумать; я должна что-то сделать». С этими мыслями Нина быстро пошла в ресторан.

Поднимаясь по ступенькам крыльца, Франц увидел на террасе, Таню, знакомую официантку, давно работавшую здесь. Заметив его, Таня, улыбаясь, пошла ему навстречу.

– Как вы давно здесь не были! Вы уже видели господина Глокнер и свою жену?

– Да, я жену уже видел, а господина Глокнер ещё нет.

– Будете есть? Где вам накрыть стол, как всегда в гостином зале? Передать хозяину, что вы здесь или вы сами к нему пройдёте? – Засыпала Таня его вопросами, не дождавшись ответа.

Говорила она хорошо по-немецки, но с сильным русским акцентом. Приехав в Германию из России, 10 лет тому назад, Таня уже 5 лет работает в этом ресторане. В её обязанности входит, в первую очередь, обслуживать гостей хозяина.

– Да я очень хочу есть.

– У нас сегодня очень вкусный ужин, я скажу хозяину, идите в зал, – сказала Таня, и, почти бегом, побежала во внутрь здания. Франц пошёл за ней следом. В гостиный зал, с террасы, можно было пройти и через кухню.

Они зашли в кухонное помещение, которое было оборудовано и оснащено по последней технической моде. Отец Нины очень гордились тем, что им удалось на кухне заменить много ручных работ машинами. Отдыхающих и гостей он иногда приводил сюда, как на экскурсию. В будничные дни на кухне работали четыре человека, а в праздничные и в свадебные – 5; 6, и этого было достаточно, чтобы за один вечер обслужить более 300 человек.

Войдя на кухню, Франц поздоровался; повара повернулись в его сторону, тоже поприветствовали его. Возле моющей посуду машины, спиной к нему, составляя тарелки в одну стопку, стояла девушка. Возможно, из-за шума машины, она не расслышала его приветствия и не повернулась к нему, но что-то в девушке, до боли в сердце, показалось Францу знакомым. Не веря своим глазам, он пошёл к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.